

И. Ефимов
Великий Новгород

О рецензии А. Блока на «Тихие песни» Анненского

Историческая роль быть первыми рецензентами «Тихих песен» досталась символистам, которые недоумевали над конструктивной неправильностью поэтического метода Анненского. Георгий Чулков упрекал Анненского в том, что символ для него был «не более, как особый поэтический прием, как одна из сложных метафор», которой он поклонялся.¹ Вяч. Иванов считал, что в основании поэтики Анненского лежит «импрессионистический эффект разоблачения» и читатель вынужден осмысливать стихи, пока в сознании не раздается ясно имя скрытого предмета.² Появившийся из ниоткуда с готовой и по-своему целостной книгой лирики Анненский стал проблемой для теоретиков символизма. Они столкнулись с совершенно иным пониманием символа, которое никак не вмещалось в их символистскую теорию, поэтому они долго обходили книгу молчанием. Вяч. Иванов вспоминает об Анненском в статье 1910 года, Чулков – в мемуарах 1930 года, годы спустя после смерти поэта.

В 1905 году книга «Тихие песни» была прислана для отзыва в редакцию журнала «Вопросы жизни». Весь этот год Блок получал заказы на рецензии от Георгия Чулкова, заведовавшего в журнале отделом беллетристики.³ По мнению комментаторов ПСС Блока, рецензия была написана в июне-июле 1905 года. Но в августовском номере «Вопросов жизни» она не появилась. Блок сообщил в письме к матери, что узнал о скором закрытии журнала.⁴ Он отдал рецензию Петру Перцову в «Литературное приложение» к газете «Слово», где она и вышла в № 5 (6 марта) за 1906 год.

Блок писал рецензию, не имея ни малейшего понятия о личности автора книги. В распоряжении у него были стихотворения Анненского, вышедшие под псевдонимом, и опубликованный ранее отзыв В. Брюсова на «Тихие песни» в журнале «Весы» в № 4 за 1904 год. Только в день публикации рецензии Анненский впервые написал Блоку, признаваясь, что он является автором «Тихих

песен». По мнению Р. Тименчика, личное знакомство поэтов состоялось 30 сентября 1906 года на чтении романа их общего знакомого А. А. Кондратьева, который был университетским товарищем Блока и бывшим гимназистом, учеником Анненского.⁵

Первый экземпляр «Тихих песен», принадлежавший Блоку, по-видимому, не сохранился. 2 апреля 1910 года Блок просил сына Анненского в письме: «Если найдете экземпляр “Тихих песен”, присоедините их, пожалуйста: достать невозможно, а у меня кто-то стянул, кому вовсе не нужно. К счастью, надписи не было». И поэты авторы издания «Библиотека А. А. Блока» сделали описание не первого (пропавшего), а второго экземпляра, который, как можно предполагать, по просьбе Блока был прислан ему Валентином Кривичем. К сожалению, Блок отметил в этом экземпляре лишь переводы из Гейне в оглавлении, и по нему невозможно судить о проделанной им предварительной работе при создании рецензии.

Блок, сознательно вырабатывавший метафизический взгляд на мир, пытался отыскать привычные для себя *доминанты души* в «Тихих песнях», но столкнулся с совершенно иным принципом конструирования универсума в сознании лирического субъекта Анненского. Именно в этом смысле он отмечал «новизну символов» книги, «новое, опять незнакомое чувство, как бывает при неожиданной встрече». Не имея готового языка как инструмента для интерпретации поэтики Анненского, Блок прибегал к метафоре.

Текст рецензии носит следы осмысления Блоком книги Анненского с точки зрения собственной метафизики души. Блок был убежден, начиная с 1902 года и на протяжении всей своей жизни, в том, что «наши души – причастны Мировой». В рецензии он отметил, что человеческая душа у Анненского «переживает свои чистые ощущения в угаре декадентских форм». Согласно блоковскому представлению, лирический субъект «Тихих песен» переживал сверхчувственные ощущения идеального мира изнутри чувственного мира индивидуальной души, в угаре низших, чувственных форм. По мысли Блока, у Анненского абсолютная реальность проявлялась только в отраженном свете сознания лирического субъекта.⁹

Блок признавался, что отраженный свет сознания лирического субъекта «Тихих песен» создает трудности и неудобства вчитывания в стихи, «засоряет глаза пылью “эмалевых минут” и “черных зал”».

Но именно эта работа сознания лирического субъекта, зафиксированная в поэтическом тексте, была конструктивной особенностью книги Анненского. Это был материал для читательского вживания, открытый Анненским поэтический гипноз, о котором он неоднократно высказывался.

Идею гипноза, который воздействует на читательское восприятие, Анненский уже после выхода «Тихих песен» свяжет с понятием «синкретизма ощущений», проявляющегося в поэтическом слове. Он писал: «...синкретизм ощущений, проектируясь в поэзии затейливыми арабесками, создает для нее проблему не менее заманчивую, чем для науки, и, может быть, более назревшую». ¹⁰ «Затейливые арабески» современной поэзии, по мнению Анненского, были результатом того, что слово является только «символом психического акта», их связывает между собой «весьма приблизительное и притом чисто условное отношение», ¹¹ это «сосуществование, а не внутреннее сродство». ¹² Здесь Анненский вспоминал опыт Макса Нордау с его книгой «Вырождение» (1894) и гипнотизм Жана-Мартена Шарко.

Нордау писал, что общество *fin de siècle* «ищет не изведанных еще ощущений»: «Оно жаждет сильных впечатлений и рассчитывает найти их в зрелищах, где различного рода искусства в новых сочетаниях действуют одновременно на все чувства». ¹³ Анненский, возможно, знал и о книге Шарко «Исцеляющая вера» (1899), в которой автор не разделял веру религиозную и мирскую, считая, что это «один и тот же мозговой процесс, производящий одинаковые действия». ¹⁴ То есть для Анненского символ был не метафизической связью явлений, а логической связью восприятий (визуальных, аудиальных, осязательных) в сознании лирического субъекта. В своем представлении Анненский опирался на открытия новой науки, а не откровения религии, как это было в случае с Блоком.

В письме июня 1904 года Анненский писал: «Душа не отделяется для меня более китайской стеной от природы: это уже более не фетиш» ¹⁵ и позже в предисловии к трагедии 1906 года: «Если на богов Олимпа не распространяется закон эволюции, им суждено, по крайней мере, вырождаться». ¹⁶ Осознавая разрыв связи человека с божеством, Анненский восстанавливал цельность изнутри человеческого сознания, в котором заново конструировал универсум, сознательно отклоняясь от пути религиозного символизма, характерного для Блока.

В лирическом субъекте «Тихих песен» Блок узнавал «человеческую душу, убитую непосильной тоской, дикую, одинокую и скрытную». Он считал, что «тоска души» никогда не беспредельна, всегда устремлена к Первоединому, к Мировой Душе. В дневнике 1902 года он писал: «Тоскованье всегда предполагает желание соединения, — какую-то неудовлетворенную отдельность, порывание и непрерывное стремление воссоединиться».¹⁷ В тексте рецензии на «Тихие песни» Блок назвал только одну традицию такого воссоединения, ясно увиденную им в лирике Анненского — поэзию Федора Тютчева. Это единственный поэт, которого Блок упомянул в рецензии как предшественника Анненского. По мнению Блока, именно «светлый, невинный, чистый и чуждый греха Тютчев» осуществил в русской поэзии воссоединение души единичной и Мировой, миновал «бездну отчаяния, самоубийства и высокого восторга, цветущего в горниле душевных старостей».¹⁸ В душе лирического субъекта «Тихих песен» Блок и увидел это «горнило душевных старостей», окаменевшую человеческую душу, в которой пока еще теплится, «цветет» тоска по абсолютному бытию.

Блок понимал заслугу Тютчева в том, что в его поэзии в слиянии человеческой души с природой появлялось веяние божества. Начиная с 1902 года, в подготовительных материалах к статье о русской поэзии, Тютчев воспринимался Блоком как родоначальник русского декадентства¹⁹ и новой русской поэзии.²⁰

Взаимопроникновение чувственного и сверхчувственного, материального и сверхматериального начала объяснил русским символистам Вл. Соловьев в статье «Красота в природе» (вышла в первой книге журнала «Вопросы философии и психологии» за 1889 год). В своих рассуждениях Соловьев опирался на метафизику света. Он особо выделил действие света на материю, в их неслиянном и нераздельном соединении для него проявлялась красота. Ниспадение света в темную материю он рассматривал как проявление абсолюта в мире. Метафизика света, раскрытая Соловьевым, была воспринята русскими символистами.

Поэтом, у которого проявлялась метафизика света, Соловьев называл Федора Тютчева. Именно на примере его поэзии Соловьев раскрывал взаимоотношения материального и сверхчувственного через световые явления. Петр Перцов, принимавший рецензию Блока

на «Тихие песни» к печати, был составителем сборника «Философские течения русской поэзии» (1896), где была опубликована статья Соловьева о Тютчеве.²¹ Соловьев писал, что поэзия Тютчева является примером проявления Мировой Души в природе: «Ему не приходилось искать душу мира и безответно приветствовать отсутствующую: она сама сходилась с ним и в блеске молодой весны, и в «светлости осенних вечеров»; в сверканье пламенных зарниц и в шуме ночного моря она сама намекала ему на свои роковые тайны».²² Соловьев здесь говорил о световых явлениях, которые в поэзии Тютчева раскрывали имперсональное слияние человеческой души с Душой Мира.

С опорой на соловьевскую трактовку Тютчева Блок выделял «стихи “тютчевского духа” в “Тихих песнях” именно за отмеченное в них преображающее действие света в «блеске молодой весны» («В дороге»), в «светлости осенних вечеров» («Листы») и «сверканье пламенных зарниц» (сонет «Июль»). Названные Блоком проявления тютчевского духа в «Тихих песнях», «золотистость» и слияние «ранней весны» и «светлой осени», были примерами теофании, светового явления божества.

В сонете Анненского «Июль» действия света проявляются в грозных явлениях, которые лирический субъект переживал как «демонскую игру». Блок вспоминал «глухонемых демонов» Тютчева и образы стихотворения Анненского выстраивал в сюжет борьбы светлых сил с темным хаосом и победой светлого начала в последних стихах: «Возможность пить благоухания из чаши ливней золотых». Благоухание появляется именно как следствие теофании, нисхождения божества в мир, которое чувственному взору видится как красота «золотых ливней».

В упоминаемом в рецензии стихотворении Анненского «Листы» Блок вычитывал нематериальное действие света:

На белом небе все тусклей
Златится горняя лампада,
И в доцветании аллей
Дрожат зигзаги листопада.

Кружатся нежные листы
И не хотят коснуться праха...
О, неужели это ты,
Все тоже наше чувство страха?

Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало,
И нет конца и нет начала
Тебе, тоскующее я?

Мотивы и образы стихотворения укладывались в читательском сознании Блока в систему координат тютчевского сюжета, в основе которого лежит сложная диалектика увядания и возрождения в природе. Сцепление чувственного и сверхчувственного мира в световых явлениях читался Блоком уже в первой строфе, в образе мерцающей «горней лампы», звезды, в ответ которой в дольном мире «дрожат зигзаги листопада». Осенняя звезда «златится» все тусклей, ее светоносное начало слабеет, все меньше света ниспадает в мир, и на земле, как бы в продолжение этого истощения, происходит падение материального вещества, осенних листьев в прах.

Падение листьев оставляет в душе лирического субъекта особые чувственный узор: так запечатлевается в сознании предустановленная Творцом гармония кругов, кружения листьев от бытия к небытию. Именно через поэзию Тютчева Блок открыл для себя этот эффект «цветущего бытия»,²³ которое чувственно увядает, проходя ступени умирания в градации осенних красок и, в то же время, духовно цветет, воплощая в своей сверхчувственной форме божественный свет. Этим взглядом Блок смотрел и на лирику «Тихих песен».

Источники стихотворения Анненского Блок мог увидеть в стихотворении Тютчева «Осенний вечер» или в одноименном стихотворении «Листья». Соловьев ссылался в своих доказательствах метафизики света на эти стихи Тютчева. Семен Франк, интерпретировавший названные тютчевские стихотворения, писал о том, что в объединении мотивов увядания и возрождения проявляется «подлинная, высшая красота осени»,²⁴ когда в слиянии человеческой души с природой ощущается

Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья!..
(Ф. Тютчев, «Осенний вечер», 1830).

Интуиция Франка подтверждает взаимосвязь световых явлений поэзии Тютчева с проявлениями божественного в мире, с теофанией.

Заключительные строки стихотворения Анненского «Листья» в контексте тютчевской традиции должны были звучать для Блока по-тютчевски, как тоска по обетованной в Боге беспредельности («нет конца и нет начала») человеческой души, то есть о ее бессмертии. Тютчев для Блока потому и был «светлым, невинным, чистым и чуждым греха», что образы его поэзии могли прочитываться как символы отсутствия греховности, чистоты смерти, которое обещает разумному существу «кроткая улыбка» божества, опознаваемая в увядающем свете и цвете осеннего вечера. Добавим, что именно в прозрачности, «в светлости осенних вечеров» Соловьев видел одухотворенный характер тютчевской поэзии.

Строки из стихотворения Анненского «В дороге», выделенного в рецензии, Блок приводил позже и в письме к нему, признаваясь, что читал книгу «в светлые осенние дни, когда была близка “золотистость” (Тютчевская) и ранее весеннее:

И с бадьями журавли,
Выпрямляясь, тихо стонут».²⁵

Блока привлек этот образ, потому что все стихотворение «В дороге» представляет собой картину забытого и изнемогающего в тишине туманов безвременья вещества. В стихотворении Анненского, действительно, трудно понять время года – ранняя ли это весна, или пора первых осенних заморозков. В утренних сумерках на землю опускается туман, его пары еще высоко над землей задерживают свет восходящего солнца. Сочетание света и тумана дает молочный блеск, который льется «на пятна нив и роц». Без солнечного света земной мир представляется лирическому субъекту непросветленным «пятном» вещества. Соловьев в статье «Красота в природе» писал, что никакой красоты мира в ночном освещении, ночной слитности земной материи различить нельзя.

Блока в стихотворении Анненского «В дороге» привлек и образ колодезного журавля, который в тишине земной тени, укрытой туманами от солнца, издает тихий стон. Так проявлялась для Блока метафизика страдания земных душ. Упомянув этот образ в письме к Анненскому, Блок как бы озвучивал свою версию названия книги. «Тихие песни» могут быть поняты как осенняя, тихая, журавлиная песня человеческой души в тоске своего возрождения из праха,

выхода из туманов безвременья на свет Божий навстречу тютчевскому «всемирному благовесту победных солнечных лучей», многократно цитированных Соловьевым в своих работах.

Блок смотрел на книгу «Тихие песни» как на символическое пространство, в современной лирике его привлекала религиозно-мистическая символика. В апреле 1905 года, за два месяца до предполагаемого времени написания рецензии на «Тихие песни», Блок работал над статьей «Творчество Вячеслава Иванова». Вслед за поэзией Иванова, Блок хотел бы видеть в чувственных узорах, «невнятном языке» и «темной частности символа» Анненского «ступень к солнечной музыке, к светлomu всеобщему мифу».²⁶ Но Анненский в своей лирике, кажется, не переходил за черту слияния чувственного и сверхчувственного в метафизику. О поэзии Иванова Блок писал: «Спокойно перейдем мы черту, – а там уже брежит заря другого полюса. Мы без испуга надышимся “цветами сумерек”; с диалектической ясностью поймем то, чему у других поэтов суждено открываться в вихре».²⁷ Эстетическая работа Анненского, действительно, проходила на другом полюсе сознания, не в религии, а в бессознательном. Достаточно вспомнить стихотворение Анненского «В открытые окна», где сумерки «в преддверьи сна» отзываются в сознании лирического субъекта именно бессознательным испугом перед закатом, где «брежит» не светлый солнечный миф, а где каждое явление «из мрака молодой с перстами пурпурными Эос» напоминает о том, что окончился ночной сон залегающего в своей пещере мифического жестокого циклопа Полифема. У Анненского в предвосходящие и предзакатные сумерки открывается «сердца глубина», то есть вся бессознательная крутизна, вихрь переживаний, такое нестройное многоголосие души, в котором «собственный голос пугает». О том же комплексе переживаний лирического субъекта говорится в стихотворении «В дороге» в стихах «тошно сердцу моему от одних намеков шума». Это, действительно, другой полюс символизации, если вспомнить стихотворение самого Блока 1902 года, в котором лирический герой «вышел в ночь – узнать, понять / Далекый шорох, близкий ропот». Вот этого метафизического «далекого», которое хотел бы увидеть Блок в «Тихих песнях», у Анненского не было, современный миф переживался им в конкретных, синкретичных формах восприятия лирического субъекта.

Блок понимал декадентство этимологически как упадок и отличал его от новой поэзии, которая должна была заниматься уже не обманчивой оболочкой вещественности, не земным прахом, а метафизической реальностью, «скрывающей вечное и неумолимое божество».²⁸ По мысли Блока, именно тютчевская поэзия обнаруживала в природе, открывающейся человеку в чувственных формах, надежду на иной мир, некое обетование, что он пытался найти и в лирике Анненского, отмечая сходность его образов с тютчевскими.

Чтобы понять тот путь, по которому Блок в своем читательском восприятии хотел провести лирического субъекта «Тихих песен», отметим один мотив книги Анненского. «Тихие песни» начинаются стихотворением «Поэзия», в котором лирический субъект бежит из храма, чтобы обрести свою святыню в беспредельности вещественного, реально-чувственного мира, «между заносами пустынь». Синайская гора, от которой бежит лирический субъект Анненского, является местом богоявления и обетования Моисеем заповедей. Размышляя над путями новой русской поэзии в дневнике 1902 года, Блок обращался к этому же библейскому сюжету, переосмысляя его как историю о возвращении Моисея, «коснеющего в пустынном Медиане» «в храм юности». «Вождь Израиля, – пишет далее Блок, – «расцвел» лишь тогда, когда вернулся к своему храму в «неопалимой купине».²⁹ Для понимая того, как Блок смотрел на символы лирики Анненского, важно отметить мотив опаления вещественного, происходящий при теофании, а также связанный с горением, опалением мотив «цветения» человеческой души как ответ на божественный импульс, на схождение божественного в косную материю. В другом месте Блока привлек у Анненского образ «сочащихся из черного куста гроздей», которые «краснеют, точно гвозди, после снятого Христа» (стихотворение «Конец осенней сказки»)³⁰ Телесное страдание Христа в распятии прочитывалось Блоком также как вариант теофании, в котором визуальные образы поэтически подчеркивают именно страдание вещества.

Перед лирическим субъектом Анненского открывался «океан мутных далей», как обетованная земля – не в божественной тени, а в тени своего сознания. Лирический субъект «Тихих песен» «жадно искал впитать в себя этот мир и стать им, делая его собою»,³¹ он оставался в плоскости непосредственных данных своего сознания. Он ощущал свою одноприродность с миром, и ему не было

нужды углублять метафизический взгляд на реальность, поэтому он расширял свою субъективную сферу, «вселялся в душу разнообразных переживаний», как сказал о нем в рецензии Блок. Лирический субъект «Тихих песен» проживал мир, как только «мистически ему близкий и кем-то больно и бесцельно сцепленный с его существованием»,³² но без намека на метафизическую связь явлений.

Блок прочитывал лирику «Тихих песен» сквозь оптику тютчевской и соловьевской традиции. В частных проявлениях поэтика Анненского Блок видел вслед за Соловьевым, анализирующим поэзию Тютчева через метафизику света, «знаки общей сущности, рассматривал осязательно-невнятную, сложную предметность в свете абсолютного, метафизического континуума. В статье о Тютчеве Соловьев писал: «Частные явления суть знаки общей сущности. Поэт умеет читать эти знаки и понимать их смысл. “Таинственное дело”, заговор “глухонемых демонов” – вот начало и основа всей мировой истории. Положительное, светлое начало космоса сдерживает эту темную бездну и постепенно преодолевает ее. В последнем, высшем произведении мирового процесса – человеке – внешний свет природы становится внутренним светом сознания и разума, – идеальное начало вступает здесь в новое, более глубокое и тесное сочетание с земною душою; но соответственно этому глубже раскрывается в душе человека и противоположное, демоническое начало хаоса. Ту темную основу мироздания, которую он чувствует и видит во внешней природе под “златотканым покровом” космоса, он находит и в своем собственном сознании».³³

Блок понимал лирического субъекта «Тихих песен» как живущего «внутренним светом сознания» и ему хотелось бы видеть в этом «новое, более глубокое и тесное сочетание» божества с “земной душою”. Но лирика Анненского давала ему только «златотканый покров» вместо метафизики.

Блок в рецензии целиком приводит стихотворение Анненского «Тоска возврата»:

Уже лазурь златить устала
Цветные вырезки стекла,
Уж буря светлая хорала
Под темным сводом замерла;

Немые тени вереницей
Идут через северный портал,
Но ангел Ночи бледнолицый
Еще кафизмы не читал...

В луче прощальном, запыленном
Своим грехом не отмоленным
Томится День пережитой,

Как серафим у Боттичелли,
Рассыпав локон золотой...
На гриф умолкшей виолончели.

Стихотворение имеет целый ряд световых и цветовых градаций, в которых преломляется сумеречная мистика человеческой души. Но Блока, по-видимому, привлек в храме один луч – «прощальный, запыленный», в котором зрительно слышно греховное, не до конца просветленное молитвой «томление дня» («Ангел ночи бледнолицый еще кафизмы не читал»). Блок был склонен интерпретировать образ луча в духе тютчевско-соловьевской метафизики света как ниспадение божественного света в темную глубину индивидуального, внутреннего храма человеческой, чувственной души и наблюдать в ней красоту божественного в человеческом, молча следить за их не вещественным диалогом.

Но лирический субъект Анненского, кажется, никогда не переходил этой черты, для него все заканчивалось синкретизмом ощущений, слиянием света и звука, живописи и музыки, которое умолкает с закатом солнца, когда лирический субъект переводит взгляд со слитности и неслитности красоты мира на свое сознание.

Словно подчиняясь инерции собственной лирики «Стихов о Прекрасной Даме», Блок пытался привести лирического субъекта Анненского в храм. Но последнее стихотворение «Тихих песен» говорит о несколько другом храме – более телесном, келейном, индивидуально-мученическом. Последнее стихотворение книги «Желание» говорит о том, что человек в конце жизни, возможно, уронит на «гранит», алтарь неведомого божества только бесформенный, узловатый воск свечи, как символ прижизненного, осязательно-грустного страдания от божественных прикосновений.

Подводя итог сказанному, можно сказать, что Блок в своей рецензии на «Тихие песни» прочитывал лирику Анненского сквозь оптику тютчевско-соловьевской традиции и в этом смысле ключей к поэзии «Тихих песен» он не подобрал. В аспекте поэтики автор «Тихих песен» тоже сохранил для Блока свою анонимность. Не случайно свою рецензию Блок окончил призывом: «Хочется, чтобы открылось лицо поэта».

¹ Чулков Г. Годы странствий. М., 1999. С. 203.

² Иванов В. И. Родное и вселенское. М., 1994. С. 170.

³ Письма Александра Блока к родным / Предисл. и прим. М. А. Бекетовой. Л., 1927. С. 150.

⁴ Там же. С. 138.

⁵ Об истории знакомства Блока с Анненским см.: *Тименчик Р. Д.* Письма Валентина Кривича к Блоку // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 315–323.

⁶ Блок А. А. Собр. соч. В 8 т. Т. 8. М.; Л., 1963. С. 306.

⁷ Блок А. А. Полное собр. соч. Т. 7. М., 2003. С. 191–192. Далее рецензия А. А. Блока цитируется по этому изданию.

⁸ Там же. Т. 8. С. 142. См. об этом подробнее: *Игошева Т. В.* Ранняя лирика А. А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма. М., 2013. С. 71–76.

⁹ Анненский ставил отраженный свет культур, философий, религий ниже непосредственного опыта личности, о чем он писал в статье об А. Н. Майкове. Характерно и его спокойное отношение к выдуманному Майковым автору стихов II века по имени Апполодор Гностик: «более знакомый и близкий нам Майков все же останется в нашей памяти классиком», а не мистиком, – резюмировал Анненский.

¹⁰ *Анненский Иннокентий.* Книги отражений. М., 1979. С. 206.

¹¹ Там же. С. 202.

¹² Там же. С. 18.

¹³ *Нордау М.* Вырождение. М., 1995. С. 32.

¹⁴ *Шарко Ж.-М.* Исцеляющая вера. М., 1899.

¹⁵ *Анненский Иннокентий.* Книги отражений. С. 457.

¹⁶ *Анненский И. Ф.* Лаодамия: лирич. трагедия в 4-х д. и с муз. антрактами // *Северная речь.* СПб, 1906. С. 142.

¹⁷ Блок А. А. Дневник. М., 1989. С. 31.

¹⁸ Там же. С. 36.

¹⁹ Там же. С. 33.

²⁰ Блок А. А. Записные книжки. М., 1965. С. 22.

²¹ Первые статья появилась в «Вестнике Европы» (1895. Т. 2. Кн. 3–4. С. 735–752).

²² *Соловьев В. С. Ф. И. Тютчев* // *Философские течения русской поэзии* / Сост. П. Перцов. СПб, 1896. С. 181.

²³ Блок А. А. Дневник. С. 32.

²⁴ *Франк С. Л.* Космическое чувство в поэзии Тютчева // *Русская мысль.* 1913. Кн. XI. С. 27.

²⁵ Блок А. А. Собр. соч. Т. 8. С. 152.

²⁶ Блок А. А. Полное собр. соч. Т. 7. С. 9.

²⁷ Там же. С. 11.

²⁸ Блок А. А. Дневник. С. 30.

²⁹ Там же. С. 34.

³⁰ На повторяемость этого образа у Анненского и Блока указывал Р. Тименчик. См.: Тименчик Р. Д. Указ. соч. С. 321.

³¹ Анненский Иннокентий. Книги отражений. С. 206.

³² Там же. С. 102.

³³ Соловьев В. С. Ф. И. Тютчев. С. 190.